

С Е В Е Р Н Ы Й В Е С Т Н И К (СПб.)

1892. N 2

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

"Смена", роман А. И. Эртеля. - /.../

Отд. II

С. 145

/.../ В таланте г. Эртеля бросается в глаза черта, которая сближает его с другими нашими молодыми беллетристами - с Чеховым, с Короленко, с покойным Гаршиным: нервность, впечатлительность, пристрастие к случайному артистическому эскизу. /.../

С. 152-153

/.../ В "Смене" чувствуется темперамент, сангвинически подвижный и способный переработать в себе всякое живое впечатление, сочувственно откликнуться на все, что может дать материал для мысли и чувства художника. Г. Эртель этой стороной своего таланта уступает г. Чехову разве только в нежности и тонкости отделки, в чистоте и выдержанности художественного чекана. У г. Чехова - в лучших его вещах - отдельные поэтические черточки восхищают своей видимой легкостью, непринужденностью, своим сдержанно-правдивым психологическим содержанием: изящные штрихи, воздушные очертания, дышащие жизнью и красотой нюансы. У г. Эртеля сила не в чекане, не в отдельных поэтических черточках, а в общем лирическом порыве, в густоте и яркости отдельных художественных пятен. /.../

А. Волынский

/А. Л. Флексер/

(—) Таково изображеніе одного нравственнаго вѣянія въ разсказѣ «Учитель жизни». Г. Каронинъ не совладалъ съ своей темой: одно нравственное ученіе очерчено не художественно, сухо, парадоксально. Въ разсказѣ не видно ни глубокаго знанія предмета, ни серьезнаго интереса къ сенсаціонной доктринѣ, ни живого, смѣлаго и истинно художническаго подхода къ поставленной задачѣ. Авторъ не возвысилъ своего сужденія надъ банальными газетными толками и не углубилъ своего анализа до того настоящаго жизненнаго и философскаго основанія, на которомъ и держится одно нравственное ученіе—не въ карикатурной формѣ резонерства Чехлова, а въ подлинныхъ документахъ дѣла въ оригинальныхъ словахъ одного литературнаго таланта, повторяющаго, затасканныхъ по пыльнымъ дорогамъ, опошленныхъ восторгомъ интеллигентнаго стада.

III.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о г. Потапенко,—именно нѣсколько словъ, такъ какъ намъ уже не однажды приходилось писать о немъ. Новаго, въ смыслѣ таланта, г. Потапенко не далъ намъ пока ничего. Въ двухъ томикахъ его разсказовъ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, не видно слѣдовъ художественнаго развитія сравнительно съ первыми двумя томами его беллетристическихъ произведеній. Тѣ-же достоинства, тѣ-же недостатки. Тотъ-же легкій и плавный языкъ, тоже отсутствіе поэтическаго вымысла и художественной глубины. Г. Потапенко умный разсказчикъ, удачно справляющійся съ небольшими жизненными сюжетами, но совершенно пассующій передъ болѣе или менѣе сложными и широкими психологическими задачами. Въ лучшихъ его разсказахъ на первомъ планѣ — внѣшняя картинка, бытовья краски, видимыя формы жизни и нравовъ. Анализъ г. Потапенко скользитъ по поверхности предмета. Психологическаго содержанія въ четырехъ томахъ его разсказовъ меньше, чѣмъ въ какомъ нибудь одномъ удачномъ разсказѣ Гаршина, Чехова, или Короленко. Не психологическимъ и эстетическимъ достоинствамъ обязаны своимъ успѣхомъ такія вещи, какъ «На дѣйствительной службѣ», «Секретарь его превосходительства», «Шестеро», «Здравья понятія». Г. Потапенко обратилъ на себя вниманіе нѣкоторой свѣжестью тона, простою манерою разсказа и тѣми признаками гуманнаго настроенія, которыми отмѣчены лучшія его произведенія. Въ періодъ литературнаго затишья общественное мнѣніе цѣпляется за всякій новый фактъ, за всякое свѣжее литературное явленіе: каждому думается, что вотъ-вотъ разовьется большая сила и дастъ удовлетвореніе потребности въ сильномъ, живомъ и истинно художественномъ словѣ. Втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ такихъ новыхъ фактовъ и явленій было не мало. Вспомните шумный успѣхъ нѣкоторыхъ изъ на-

шихъ молодыхъ поэтовъ, которыми и критика и общественная молва занимались, можно сказать, съ непопулярнымъ, преувеличеннымъ интересомъ. Годы шли, а молодые таланты оставались и остаются еще поднесъ все молодыми, невѣрными. Ждали настоящей поэмы, настоящаго лирическаго произведенія, такихъ стиховъ, которые появлялись у насъ во время оно — и не дождались. Есть люди съ поэтическимъ дарованіемъ, со способностью къ болѣе или менѣе легкой версификаціи, но поэтическихъ талантовъ съ творческимъ пафосомъ, съ психологическою глубиною, съ такими формами рѣчи, которыя сіяли-бы красотой и возвышенными образами — такихъ поэтическихъ талантовъ среди молодыхъ нашихъ писателей не оказалось. И литература, и общественное мнѣніе били фальшивую тревогу. Даровитые люди не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

То же и въ области молодой беллетристики. Гг. Ясинскій, Короленко, Чеховъ и др. — это тоже рядъ надеждъ, изъ которыхъ одні уже доподлинно не оправдались, а другія еще ждутъ своего дня в срока... Г. Ясинскій обозначился вполне и едва-ли сможетъ достигнуть какихъ-нибудь новыхъ высотъ. Вся лучшая его пора въ прошломъ, и его новыя произведенія, къ несчастью, только разжижаютъ основныя качества его беллетристическаго таланта и набрасываютъ какую-то томительно-однообразную тѣнь на его литературную извѣстность.

Г. Короленко пребываетъ еще надеждою, но надеждою, сопровождаемой томительнымъ чувствомъ опасенія. Въ прежнихъ разсказахъ г. Короленко есть задатки для художественнаго развитія, — но такихъ новыхъ разсказовъ, въ которыхъ видѣнъ былъ бы успѣхъ, прогрессивный шагъ, возрастающій подъемъ творчества — такихъ разсказовъ г. Короленко за послѣднее время не написалъ. Недавно появившійся этюдъ «Тѣни» не прибавляетъ ничего новаго къ фізіономіи писателя. Фантастическій очеркъ въ нѣсколько страницъ, болѣе романтичный, чѣмъ поэтичный, съ заимствованными изъ общедоступныхъ источниковъ контурами Сократа, съ недосказанною мыслью, не можетъ считаться сколько-нибудь крупнымъ произведеніемъ. Вся слава молодого беллетриста еще впереди, въ будущемъ, и мы бы отъ души желали, чтобы слава эта основалась не на мишурныхъ, призрачно-блестящихъ искивахъ, а на дѣйствительно цѣнныхъ художественныхъ созданіяхъ.

Г. Чеховъ — лучшая изъ нашихъ молодыхъ надеждъ. Послѣднія его произведенія, вмѣстѣ съ наиболѣе удачными изъ прежнихъ, придаютъ этой литературной надеждѣ какую-то особенную увѣренность. При психологическомъ талантѣ и подвижномъ воображеніи, казалось бы, литературная содержательность должна расти и развиваться съ постоянно возрастающей силою.

Г. Потапенко сталъ надеждою еще недавно, хотя мы не можемъ не сказать, что это надежда, если не шаткая по самой своей природѣ, то,

во всякомъ случаѣ, шатающаяся. Во-первыхъ—то, что сдѣлало репутацію г. Потапенко имѣть не чисто художественную цѣнность, во-вторыхъ—новѣйшія произведенія этого писателя, появляющіяся въ такомъ изобиліи въ различныхъ журналахъ и газетахъ, обличаютъ прозаическій умъ, холодный темпераментъ и какое-то упорное трудолюбіе.

Г. Потапенко пишетъ очень много... Производительность можетъ быть либо признакомъ очень большого таланта, либо признакомъ большихъ знаній, большого жизненнаго опыта, либо признакомъ литературнаго ремесленничества. При большомъ талантѣ, при богатствѣ фантазіи, при внутренней способности къ творческой переработкѣ впечатлѣній, производительность самое естественное явленіе. Бальзакъ, Золя, Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ, Теккерей писали десятками томовъ и дали цѣлую галерею разнообразнѣйшихъ человѣческихъ типовъ,—и этому можно только радоваться. Производительность не есть необходимый признакъ большого таланта, но признакъ вполне понятный. Сложный и богатый міръ ощущеній и образовъ, постоянно рвущихся въ свѣтъ, постоянно усложняющихся и развивающихся, можно передать только въ цѣломъ рядѣ художественныхъ произведеній,—многочислѣннымъ постояннымъ трудомъ.

При богатствѣ жизненнаго опыта, при непрекращающемся изученіи окружающаго міра, производительность даже не особенно крупнаго таланта имѣетъ, конечно, тоже свое право гражданства. Этнографическому бытописателю естественно распредѣлить накопленный матеріалъ во многихъ литературныхъ произведеніяхъ, расположить наблюденные образы и факты въ длинной цѣпи повѣстей, рассказовъ, романовъ, передающихъ въ общемъ одну болѣе или менѣе цѣльную картину опредѣленнаго жизненнаго строя.

Но производительность можетъ быть проявленіемъ какого-то ремесленническаго жара, какого-то карьеристскаго усердія... Дарованіе г. Потапенко не опредѣлилось окончательно, и потому мы не рѣшимся осудить многописаніе этого сравнительно еще молодого беллетриста. Возможно, что г. Потапенко пишетъ по избытку знаній и наблюденій, возможно даже, что г. Потапенко пишетъ по непреодолимому творческому влеченію: накопились матеріалы, разгорѣлась фантазія. Но тогда остается совершенно непонятнымъ, почему новѣйшія произведенія г. Потапенко страдаютъ такой непомерною растянутостью, такою чисто разсудочною аффектаціей, такою бѣднотою содержанія и художественнаго замысла, остается непонятной эта быстрая убыль даже той литературной свѣжести, которая еще годъ тому назадъ такъ подкупала въ его повѣстяхъ и рассказахъ.

Во всякомъ случаѣ, мы подождемъ судить окончательно о г. Потапенко. Время покажетъ правду.

А. Волыскій.